

* * *

Лежала рыба-кит, дремала,
В снах не тревожа и жильца...
Вдруг выскочил весёлый малый,
И кит был пойман на живца.

Шут начал с шухера в Лицее:
Стихи, проказы пацана...
Но только время – панацея,
А время – это не цена.

Экзамен. Стол. Старик Державин.
Ad vосо. Двое в тишине.
Сей – фистулой, а тот – заржавлен:
«Я вновь рождён в родной стране!

Другой Державин днесь явился!»
И стал, кряхтя, из-за стола
Вставать... Куда там, малый смылся,
Как будто похвала мала.

Он прятался почти что в зале,
За сценой, скрюченный в пыли...
Как никогда – его искали,
И как всегда, – но не нашли.

Потом три петербургских года:
Руслан, картишки, Яр, бордель,
Людмила, Яр, бордель, свобода,
Изгнанье. – «Первый, брат, апрель!»

Его препроводили к Югу,
В глухой и тихий Кишинёв.

Он приволок с собою вьюгу,
Вплыл как в болото Кашалот.

Мгновенно – юбки, сходки, ложа,
Кабак, дуэли, юбки, бунт...
Ну, в общем, всё одно и то же.
Что ж, погрузили на арбу

И переправили в Одессу.
Граф Воронцов. Шикарный стол.
Он тут же – прыг на виконтессу! –
Начальство – в гнев; волна – о мол;

Граф – в панику: «Назад данайский
Возьмите дар – mercі beaucoeur!»
В карету погрузили наспех
И попрощались на бегу.

Туда, в деревню, в глушь, к папаше,
В псковские дикие места;
Пускай с своим добром попляшет. –
От глаз подальше. – Красота!

Но тут папá забил тревогу:
«Меня почти что он убил!
Хотел убить! Бил! Ради Бога,
Молю, спасите!» – Убедил.

Убрали вмиг отца от сына.
В дому остался он один.
С ним лишь Никита и Арина;
Кругом рабы – и господин.

Соседок перебрал в округе,
Как пионер “всегда готов”;
Но всё же брал перо от скуки...
Глядишь, – и вышел «Годунов»;

Глядишь – одно, глядишь – другое...
Не наглядисься, всё глядишь:

Всё – кровное, всё – дорогое;
И Бог с ним, с этим вечным «лишь»!

«Пускай под ним земля горит,
Зато поэзия – прекрасна.
Закон: per ASPera ad astra,» –
Угрюмый Фёдор говорит,

Тот, кто не испугался зайца,
Кто прибыл к сроку в Петербург.
И то, Сибири ли бояться
Пророку, что вступил в борьбу?

2002 г.

* * *

Пушкин АС,
Успенский Ус,
Гоголь – Нос,
Кутузов – глаз...
Но – величиной с Эльбрус –
Вот вопрос:
О чём рассказ?

Это раз. А вот и два –
То есть, где мозгам предел?
Вопросительна листва,
Хоть шум кроны поредел.

Хоть имеем – денег нет;
Дальше *Носа* не видать...
АС усоп – вот и ответ;
Не летальным – не летать.

Гражданин от граждань
Отличается вельми,
Как *братан* да от *Бретань*,
«Боже, дай» от «Чёрт, возьми».

Пушкин АС,
Успенский Ус,
Гоголь – Нос,
Кутузов – глаз...
Постижение – это плюс,
Вот вопрос:
Зачем сюрпляс?

Это неба глас. За ним
Будут действия, малец.
Болдинское осеним;
Не
Будь балдою, наконец.

Антураж из энтих рож
Жениху невоготу,
Александрю невотерпёж,
Выбрал эту, а не ту;

Выбрал он что потупей,
Он в поту – а карантин.
Так бывает, хоть убей,
Гений-гений, а кретин.

Он петлял, ходил вокруг,
Из Москвы спешил к Петру,
Выбирал из двух подруг
А
Сунул голову в петлю.

У Небес с холерой трюк
Провалился – не дошло,
Табурет толкнул супруг:
Рада плоть, душе тошно.

Срок удавки – ровно шесть
Лет; *Возлюбленный* Таро
Выбрал Еву; время есть –
Нету вечности. – Старо.

Через три – опять в судьбе
Поворот, – *и сын вдовы*
Вечность вновь вернул себе. –
Время кончилось, увы.

Пушкин АС,
Успенский Ус,
Гоголь – Нос,
Кутузов – глаз...
Погружение в искус
Пониманья
Это – класс!

2003 г.

* * *

По весу ценим мы повесу,
По бакенбардам узнаём,
Пёс знает, как мы смотрим пьесу, –
За ним не станется – заём.

К нему в карман мы залезаем,
«Держи-ка шире» – вслух ворчим,
Как чёрта обманувши зайцем,
Мы на укор его – молчим.

Но он почти безукоризнен,
И всем доволен он... Почти.
Уже не ждёт, что будет признан:
Не почитай, но хоть прочти.

К нему мы залезаем в душу
И третьим норовим в кровать,
Он остальным почти нам скушен –
Что в нём для духа открывать?

Картёжник был, певец борделя;
Что в нём ни чувство, то порок;

Вообразит же, в самом деле:
«Духовной жаждою...», «пророк...»

Свой развивало лист ужасный
Воспоминание пред ним:
Вот чем он подлинно томим,
Смотрите: *список донжуанский!*

И он – до пола! – «Боже мой,
В телеге странствовать по свету
Готов, забывши путь домой –
Не отыми *способность эту!*...»

Какая «верность»? – Нафталин.
Поэт и кротость – несовместны.
«Род зимней шапки» – Натали.
Ну а последствия – известны.

Увы! Щелкунчика в гробу
Свезли зимою с глаз подальше;
Жуковский, закусив губу,
Конец описывал папаше.

Но право, был ли то конец?
Что в гроб перчатка означала?
И кто был подлинный отец
Тому, кому конец – начало?..

2003 г.

* * *

Кипренский, как ты нам наврал
Своею кистью пряной, праздной!
Но ложь проходит на ура,
Не-правда Пушкина пера:
«Потомок негров безобразный».

Тропинин, да и ты туда ж!
Не чуем мы изнанки грязной –

А у толпы на это стаж.
Ты НАШЕ ВСЁ. – И всё, ты – наш,
«Потомок негров безобразный».

Прекрасен претенденток ряд –
Воздушный, ароматный, разный...
Разборчиво, а не подряд,
Мы ищем *ту*... – Пусть говорят:
«Потомок негров безобразный».

Мы слышим смех... Мы видим зал...
Мазурки вихрь... и шёпот страстный...
Бессильной ярости слеза...
Ну мало что он сам сказал:
«Потомок негров безобразный».

С ним нынче Феб незаодно.
Он всех ничтожней. Правда – дразнит.
Застыло время. Видно дно.
Смотри, – кончается оно,
«Потомок негров безобразный».

Они красивы, – слова нет,
Ты страшен... Но стихи – прекрасны.
«В руке не дрогнет пистолет...»
Какая тьма твой высший свет,
«Потомок негров безобразный».

Кончалась жизнь – ты это знал;
Но лишь могилы безопасны;
«Любимец» – это наповал;
Тот – жизнь спасал, ты – нападал,
«Потомок негров безобразный».

Ты наш орёл с одним пером, –
Претензии других – напрасны;
Ты золото пред серебром;
Из тысяч мы тебя берём,
«Потомок негров безобразный»!